

Периодизация институционализации буддизма в России в XVIII–XX вв.

Виталий Сенотрусов, студент Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва), vasenotrusov@edu.hse.ru

В статье рассматривается процесс институционализации буддизма в России в период с XVIII по XX век, с особым акцентом на его развитие в Восточной Сибири. Исследование охватывает ранние контакты Российской империи с буддистами Байкальского региона, роль местных и центральных органов власти в признании буддизма и регулировании буддийской сангхи, а также особенности религиозной политики в советский период и репрессии. Основной целью работы является выявление ключевых этапов и факторов, оказавших влияние на институционализацию буддизма, включая взаимодействие с государственной властью и адаптацию буддийского духовенства к новым условиям. Особое внимание уделяется институциональным изменениям, обусловленным деятельностью буддологов и представителей буддизма, что способствовало укреплению его позиций в культурном пространстве России.

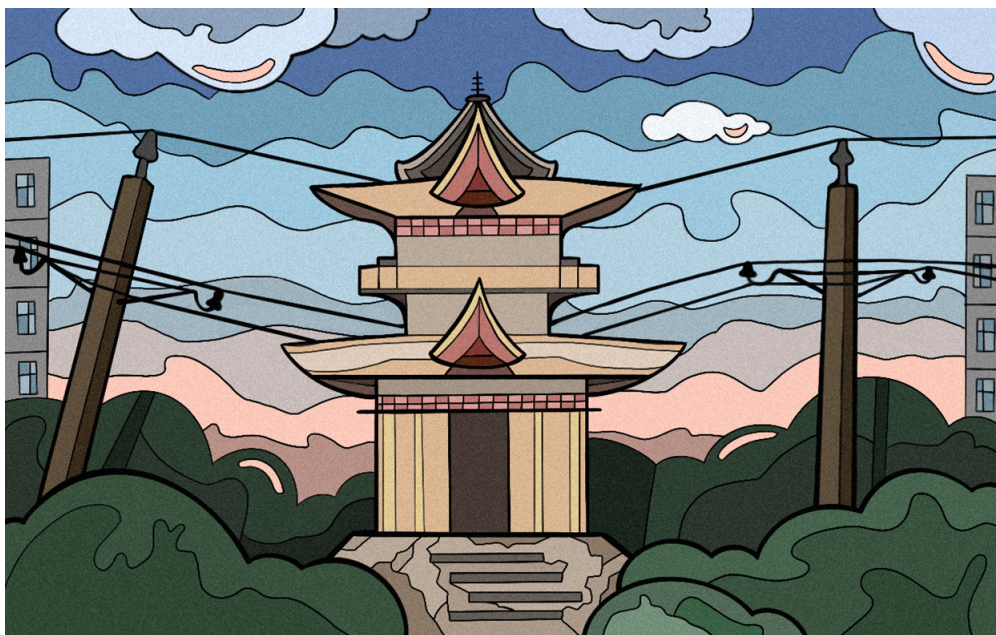
Ключевые слова: буддизм в России, Восточная Сибирь, институционализация, буддийская сангха, бурятский буддизм

Для цитирования: Сенотрусов В.А. Периодизация институционализации буддизма в России в XVIII–XX вв. // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 2. С. 125-137.

Дата поступления: 05.11.2024.

Актуальность исследования буддизма в России подтверждается тем, что на государственном уровне проходят встречи президента РФ В.В. Путина с высшим духовным лицом Буддийской традиционной сангхи России (БТСР) Пандито Хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым. Кроме того, Пандито Хамбо-лама регулярно награждается государственными наградами, а представители верхних эшелонов власти проводят встречи с ним. Более того, усилиями научных деятелей, духовных наставников и политического руководства России в 2023 году был проведен первый Международный буддийский форум.

Несмотря на текущие активные шаги и действия в направлении развития буддизма и буддологии, в историческом разрезе наблюдается отсутствие сформированной целостной картины о том, как происходила институционализация буддизма в Восточной Сибири. Хронологические рамки данного исследования охватывают период от освоения российским государ-

ством Байкальского региона¹ и первых значимых контактов с буддистами этих земель до 1930-х гг.

В качестве источника использовалась «Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье», в которой приводятся данные о динамике численности лам и хувараков в Агинском аймаке Бурят-Монгольской АССР в период 20–30-х гг. XX века, а также о пропорциях разделения духовенства во время раскола 1920-х гг.²

Исследование литературы по теме буддизма в Байкальском регионе началось с академических работ, таких, например, как коллективная монография «Буддизм в истории и культуре бурят» под ред. И.Р. Гарри. Большое влияние на данную работу также оказали статьи Н.В. Цыремпилова и С.Л. Кузьмина, описывающие приход тибетского буддизма через Монголию, и его влияние на местное население³.

¹ Под обширным Байкальским регионом мы понимаем регион Российской Федерации, включающий в себя Забайкальский край, Республику Бурятия и Иркутскую область, на территории которых сосредоточено большое количество верующих и религиозных объектов буддизма.

² Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье / Администрация Читинской области, Администрация Агинского Бурятского автономного округа, Отдел по делам архивов администрации Читинской области; [сост.: В.И. Василевский, А.В. Соловьев и др.]. Чита: Поиск, 2000–2007. 2003. Т. 2.

³ Буддизм в истории и культуре бурят // кол. монография под ред. И.Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014; Цыремпилов Н.В. Буддийский авангард: метаморфозы бурятской буддийской сангхи в России (XVIII–начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 26–36; Кузьмин С.Л. Буддизм как традиционная религия России: историческая основа и перспективы. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2017; Цыремпилов Н.В. Когда Россия признала буддизм? в поисках указа 1741 г. Императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3 (39). С. 96–109.

История отечественной буддологии рассматривается в работах Т.В. Ермаковой и Е.П. Островской, которые описывают становление этой дисциплины в России с XVIII века и ее дальнейшее развитие, вплоть до сталинских репрессий⁴.

Также значимый вклад в изучение взаимодействия бурятского буддийского духовенства с российскими властями внес Н.В. Цыремпилов в своих трудах, в частности монографии «Буддизм и империя», где подробно описаны процесс признания буддизма и его метаморфозы в России⁵.

В настоящем исследовании применялись несколько групп методов. Прежде всего это общие методы научного исследования, такие как, метод сравнительного анализа, синтез данных и простейшие математические подсчеты. В другую группу входят исторические методы, такие как историческая реконструкция, историческая ретроспектива и метод периодизации.

К вопросу о признании буддийского духовенства в Российской империи в XVIII веке

К моменту начала освоения земель Байкальского региона Российским государством, буддизм был принят большей частью жителей относительно недавно, всего несколько десятков лет назад, но уже основательно укрепился в качестве доминирующей религии, что стало вызовом для Российского государства, которое являлось традиционно православным и привыкло вместе со своей имперской экспансией приносить в захваченные земли свою собственную религию.

Вопрос о признании буддизма официальной религией в Российской империи остается предметом споров среди ученых и буддийского духовенства. Согласно распространенной версии, указом императрицы Елизаветы Петровны в 1741 году буддизм был признан государственной религией в Бурятии⁶. Этим же указом был утвержден штат бурятских лам численностью

⁴ Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX–первой трети XX в. Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр» Наука» Обособленное подразделение» Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 1998; Ермакова Т.В. Подход Санкт-Петербургской буддологической школы к изучению буддийских монастырей Тибета (1890-е–1910-е гг.) // учение будды в России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 119–133; Ермакова Т.В. Деятельность АМ Позднеева в буддийских регионах Российской империи (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. СПб.: Гиперион, 2013. С. 327–330; Островская Е.П. Ленинградская буддология в начале 1930-х годов // Письменные памятники Востока. 2010. № 2. С. 231–246.

⁵ Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя: Бурятская буддийская община в России (XVIII–нач. XX в.). Улан-Удэ: институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013.

⁶ Цыремпилов Н.В. Когда Россия признала буддизм? в поисках указа 1741 г. Императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3 (39). С. 96–109.

150 человек. «Комплектные ламы» приносили присягу на верноподданность, освобождались от налогов и получили право на проповедь среди кочевников.

Однако исторические данные показывают, что и до 1741 года существовали меры по регулированию буддийского духовенства. В 1728 году граф Савва Рагузинский, глава посольства в Китай, в «Инструкции пограничным дозорщикам» запретил иностранным ламам посещать подконтрольные России территории, но оставил возможность проповеди для лам, оставшихся после разграничения с Китаем⁷.

Историк Н.В. Цыремпилов в своей статье указал, что ни один исследователь не представил текст указа 1741 года, несмотря на частые ссылки на него как на основополагающий документ. Также существуют расхождения в терминологии: одни авторы называют документ указом, другие – манифестом. Более того, текст указа не был найден в архивах, и возникают сомнения в том, что он был издан в течение первого месяца правления Елизаветы Петровны⁸.

Существует несколько трактовок события. Буддийское духовенство утверждает, что оно было признано указом императрицы, а православные миссионеры считали это частью иностранного влияния. Исследования также упоминают материалы землеустроительной комиссии, не содержащие оригинальных ссылок на указ, и сбор архивных данных местными властями о дацанах и священнослужителях⁹.

Н.В. Цыремпилов отметил, что во многих источниках указано, что в 1741 году утвержден список из 150 лам. Это подтверждается бурятскими летописями и хрониками, где указывается на утверждение лам и освобождение их от налогов. Однако исследователь предполагает, что на высшем уровне был утвержден лишь список лам, а меры по контролю над буддийским духовенством были предприняты местными властями¹⁰.

Таким образом, признание буддизма в России в 1741 году остается спорным вопросом. Скорее всего, местные власти Иркутского генерал-губернаторства сыграли ключевую роль в институционализации буддийской сангхи, а высший уровень ограничился утверждением списка священнослужителей.

К вопросу о регулировании буддийского духовенства в Российской империи в XIX веке

Тема взаимодействия буддийского духовенства с властями Российской империи в XIX веке представляет собой пример сочетания политических, религиозных и культурных факторов. В Российской империи, где доминировало православие, власть стремилась контролировать все религиозные

⁷ Жамсуева Д.С. Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности // Москва: ООО «Редакция журнала "Власть"», 2008. № 11. С. 63–65.

⁸ Цыремпилов Н.В. Указ. соч. С. 96–109.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

институты, включая буддизм, через внедрение определенных норм и правовых регламентов.

Только спустя более чем 100 лет с момента признания буддизма в качестве официальной религии в Российской империи, государство приняло решение пересмотреть характер отношений между политической властью и бурятскими буддистами и перекалфицировать их из межнациональных во внутриполитические, передав в середине XIX века вопросы бурят-буддистов в ведение Министерства внутренних дел. За этим же последовало усиление контроля и надзора за деятельностью лам, которое было комплексно актуализировано впервые после признания буддизма в середине XVIII века и введении основных правил.

Подобные ограничения объясняются тем, что Российская империя, с ее многонациональностью и многоконфессиональностью, являлась, в первую очередь, православной страной, где православная церковь имела весомые позиции и большую значимость в масштабах страны. Православие и обращение в православную веру были одним из ключевых инструментов колонизации и освоения Россией новых территорий. Несмотря на подобную политику и агрессивные и ревностные настроения православной церкви по отношению к буддизму в Байкальском регионе, буддизму и Сангхе удалось сдерживать натиск со стороны православной церкви и местных российских властей. Это произошло не только благодаря взаимным уступкам, но и благодаря глубоким корням буддизма, который исповедовали монголы, китайцы и тибетцы, с которыми буряты, несмотря на нахождение в составе Российского государства, продолжали поддерживать тесную духовную связь.

Бурят-буддийское духовенство нашло способ приспособиться к этой реальности, легитимируя власть Романовых с помощью религиозных символов, таких как представление российского монарха воплощением бодхисатвы Белой Тары. Это стало своеобразным компромиссом: буддийские ламы признали политическую власть императора, при этом сохранив свою религиозную идентичность.

С другой стороны, государственные власти, стремясь к унификации религиозной политики, ограничивали автономию буддистских институтов, вводя назначаемые должности, такие как Пандито Хамбо-лама, и контролируя число дацанов и лам. Эти меры позволяли империи минимизировать влияние иностранных буддийских лидеров, таких как Далай Лама, и укрепить свою власть в отдаленных регионах.

Действия генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева-Амурского сыграли важную роль в формировании правовой базы для взаимодействия буддизма с имперскими властями, что привело к созданию четких границ и правил для буддистов в Российской империи. Эти меры позволили империи контролировать религиозные меньшинства, сохраняя политическую стабильность, а также предотвратить возможные влияния ино-

странных держав, таких как Цинская империя, на буддийское население России: должность Пандито Хамбо-ламы стала выборной с утверждением победившего кандидата на высшем уровне, должности Ширетуев стали выборными с утверждением победившего кандидата генерал-губернатором, наказание для священнослужителей за контакт с иностранными иноверцами со смертной казни было заменено отправкой в ссылку, индивидуальные доходы ламы от обрядов и пожертвований признавались его собственностью и так далее¹¹.

Судьба бурят-буддийского духовенства после распада Российской империи

Во времена Царской России буддизм развивался в благоприятных условиях: в Бурятии и Восточном Забайкалье существовали типографии и читальни в дацанах, а уровень образования населения был высок. Одной из ключевых фигур буддизма в начале XX века стал Агван Доржиев, который получил высшее буддийское образование в Тибете и стал учителем Далай-ламы XIII, сыграл важную роль в укреплении связей между Тибетом и Россией. По его инициативе в России были возведены буддийские монастыри, включая самый большой дацан в Европе, расположенный в Санкт-Петербурге.

После революции 1917 года, с приходом советской власти и распространением атеизма, буддийское духовенство оказалось под давлением. Однако Доржиев видел возможность адаптировать буддизм к новым условиям. Он возглавил движение «обновления», утверждая, что буддизм является этико-философским учением, которое не противоречит материализму и коммунизму¹². Это включало и идеи, что буддизм можно рассматривать как науку, основанную на эмпирической этике и рациональном мышлении. Доржиев также поддерживал изучение западных наук ламами, что должно было укрепить позиции буддизма в советском обществе.

Российские буддисты пытались провести попытку обновить религию и сангху в XIX веке, преследуя цели очищения религии от многих пороков, а также повышения уровня образованности населения. В то время ламы вели достаточно безбедную жизнь и не хотели от нее отказываться. Революции 1917 года и смена режима вынудила духовенство идти на меры обновления уже не с целью самоулучшения, а с целью выживания в условиях кардинальной смены политических элит, государственного строя и появления

¹¹ Жамсуева Д.С. Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности // Москва: ООО «Редакция журнала «Власть», 2008. № 11. С. 63–65.

¹² Синицын Ф.Л. Буддизм в СССР: попытка обновления в 1920-х гг // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницинские чтения), 16–17 апреля 2014 года. Екатеринбург, 2014. Гуманитарный университет, 2014; Скрынникова Т.Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят // Религия и идентичность в России. М., 2003. С. 121–153.

абсолютно новой и агрессивной к ним идеологии. Во время реформирования российского буддизма второй волны реформаторы под руководством Агвана Доржиева столкнулись с сопротивлением как со стороны советской власти, так и духовенства. Ожидалось, что обе стороны проявят понимание, однако произошел раскол внутри буддийской сангхи. На II бурятском буддийском соборе 1925 года этот раскол стал окончательным, разделив духовенство на сторонников обновления и консерваторов. Основной причиной раскола стало не только обсуждение реформ учения, но и отношение к советской власти.

Обновленцы, занявшие ведущие позиции, стремились к адаптации буддизма под новые условия, чтобы сохранить религию в условиях коммунистической идеологии. Консерваторы, в свою очередь, избегали прямого конфликта с властью, боясь репрессий, но выступали против реформ.

В январе 1927 года на всесоюзном съезде буддистов в Москве, собравшем сторонников обновления, была принята резолюция, осуждавшая консерваторов и требовавшая запрета раскольнических институтов¹³. В том же году ряд буддийских храмов был национализирован и передан обновленцам, что только усилило противоречия.

Советская власть, изначально благосклонная к обновленцам, использовала их как инструмент для «экспорта» революции в буддийские регионы. Однако вскоре власти поняли, что буддизм не станет опорой для коммунизма, и начали кампанию по подавлению всех религиозных движений. Обновленцы, будучи активными участниками движения, стали представлять еще большую угрозу для советской власти, чем консерваторы, что привело к репрессиям и ужесточению политики по отношению к буддийским священнослужителям.

Пик репрессий против буддистов пришелся на середину и конец 1930-х годов. К 1935 году треть дацанов в Бурятии и Агинском аймаке находилась в запустении¹⁴. К 1 ноября 1938 года было арестовано 1864 ламы и хуварака¹⁵, среди них – Агван Доржиев, арестованный в возрасте 85 лет. Он погиб в заключении, но подробности его смерти неизвестны.

К 1940 году буддийское духовенство в Советском Союзе практически перестало существовать: дацаны были ликвидированы, ламы либо ушли за границу, либо были репрессированы. Единственные два дацана, Иволгинский и Агинский, были вновь открыты в 1945 и 1946 годах соответственно. Количество священнослужителей ограничилось 40 ламами, и была учреждена должность Хамбо-ламы, назначаемого государством.

Исходя из этого можно сказать, что с революциями 1917 года буддизм из религии превратился в инструмент политического влияния на азиатские

¹³ Синицын Ф.Л. Буддизм в СССР: попытка обновления в 1920-х гг // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницкие чтения), 16–17 апреля 2014 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014.

¹⁴ Шулунов Э.С. Буддийская церковь и ее взаимоотношения с государственными властями в середине 1930-х гг // СПб: Свое издательство, 2018. С. 272.

¹⁵ Синицын Ф.Л. Указ. соч.

страны, после этого присоединившись к другим религиям, против которых были гонения в рамках репрессий и Большого террора. Из-за масштабной антирелигиозной советской политики было утрачено множество буддийских культурных и религиозных реликвий, а подсчеты людских потерь как в буддизме, так и в буддологии до сих пор невозможны в связи с закрытостью и плохой доступностью достоверных данных.

Заключение

Буддизм на территории Российского государства – уникальное и не имеющее по своей природе аналогов явление распространения восточной религии в традиционно европейском государстве. Формирование подобного статуса – долгий процесс взаимного признания и адаптации, а также ряда турбулентностей, которые оказали влияние как на религиозную политику России, так и на формирование уникального направления развития Тибетского, северного буддизма на территории Российской империи, затем СССР и РФ.

К началу освоения Байкальского региона Российской империей буддизм был уже основательно укреплен. Это создавало определенные трудности для империи, которая продвигала православие на новых территориях. В то же время начались первые шаги к развитию буддологии как научной дисциплины. Целью было не только изучение культуры и религии местного населения, но и их подчинение в политическом плане. Буддология, зародившись как прикладная дисциплина, вскоре трансформировалась в академическую область, изучающую буддизм и этнографию.

В XIX веке российская буддология достигла расцвета, особенно за счет экспедиций, таких ученых, как миссия Гомбожапа Цыбикова, который привез первые фотографии Лхасы. К началу XX века российская буддология стала одной из ведущих мировых школ. Однако ее развитие прервалось в 1930-е годы из-за сталинских репрессий и антирелигиозной политики.

Признание буддизма в Российской империи сопровождалось уникальной институционализацией религии. Бурятские буддисты создали свою систему управления сангхой, адаптируя ее к российским условиям, что позволило гармонизировать отношения между империей и буддистами.

После революции 1917 г. бурятская сангха пыталась адаптироваться к новым условиям, однако антирелигиозная политика Советского Союза привела к уничтожению буддистских институтов. Лишь к 1945–1946 гг. советская власть позволила ограниченное восстановление буддизма, но под жестким контролем спецслужб.

Наконец, касаясь наиболее значимых институтов, которые оказали ключевое влияние на формирование и институционализацию буддизма и буддийской сангхи в исследуемый исторический период мы хотели бы выделить следующие группы.

Во-первых, это местные российские власти, которые на ранних этапах сыграли особую роль в условиях периферийного положения Байкальского региона относительно столицы, что позволило религии избежать чрезмерного контроля со стороны центральных властей и развиваться на условиях местного самоуправления при признании подданства российской короне.

Во-вторых, это институт генерал-губернатора Восточно-Сибирской губернии, который в середине XIX века унифицировал свод правил и законов, касающихся взаимодействия с буддийской сангхой.

В-третьих, российская школа буддологии играла значимую роль в институционализации буддизма. Ее представители не только описали и исследовали бурятский буддизм и его особенности на начальном этапе, но и внесли существенный вклад как в развитие самой религии, так и ее исследование внутри и за пределами России, что, в свою очередь, внесло фундаментальный вклад в развитие мировой буддологии.

В-четвертых, Институт Далай-ламы XIII, который через своего посланника в Российскую империю, бурята Агвана Доржиева, смог повлиять на начало контактов между Тибетом и Российской империей, укрепить буддизм как одну из религий большой империи, что привело, в том числе, к воздвижению первого и самого большого буддийского дацана на территории Европы в Санкт-Петербурге.

Литература

Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье / Администрация Читинской области, Администрация Агинского Бурятского автономного округа, Отдел по делам архивов администрации Читинской области [сост.: В.И. Василевский, А.В. Соловьев и др.]. Чита: Поиск, 2003. Т. 2.

Амоголонова Д.Д. Российское государство и православная церковь в бурятском духовном пространстве (позднеимперский период) // *Mongolica*. 2019. Т. 22. № 2. С. 31–40.

Ангаева С.П., Тыхеева Ю.Ц. Жизнь и судьба Агвана Доржиева // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Седьмые Доржиевские чтения. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 17–21.

Блинова О.В. Эспер Эсперович Ухтомский // Омск в публикациях XVIII–начала XX вв. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2020. С. 347–349.

Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Седьмые Доржиевские чтения. СПб.: Свое издательство, 2018.

Буддизм в истории и культуре бурят // кол. монография под ред. И.Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014.

Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX–первой трети XX в. СПб.: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-по-

лиграфический и книгораспространительский центр “Наука” Обособленное подразделение» Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 1998.

Ермакова Т.В. Деятельность А.М. Позднеева в буддийских регионах Российской империи (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. СПб.: Гиперион, 2013. С. 327–330.

Ермакова Т.В. Подход Санкт-Петербургской буддологической школы к изучению буддийских монастырей Тибета (1890-е–1910-е гг.) // Учение будды в России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 119–133.

Жамсуева Д.С. Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности. М: ООО «Редакция журнала «Власть», 2008. № 11. С. 63–65.

Житенев Т.Е. Буддизм в России: вехи истории // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Тольятти: ОАНО ВО «Волжский университет имени В.Н.Татищева», 2011. № 7. С. 192–203.

История бурятского буддизма. Письменные источники / Транслитерация, перевод, комментариев и исследование Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.

Кузьмин С.Л. Буддизм как традиционная религия России: историческая основа и перспективы. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2017.

Островская Е.П. Ленинградская буддология в начале 1930-х годов // Письменные памятники Востока. 2010. № 2. С. 231–246.

Синицын Ф.Л. Буддизм в СССР: попытка обновления в 1920-х гг. // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницынские чтения), 16–17 апреля 2014 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014.

Синицын Ф.Л. Советские безбожники и буддизм // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2017. С. 240–250.

Скрынникова Т.Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят // Религия и идентичность в России. М., 2003. С. 121–153.

Цыбилов Г.Ц. Избранные труды в двух томах. Н., 1991.

Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя: Бурятская буддийская община в России (XVIII–нач. XX в.). Улан-Удэ: институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013.

Цыремпилов Н.В. Буддийский авангард: метаморфозы бурятской буддийской сангхи в России (XVIII–начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 26–36.

Цыремпилов Н.В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. Императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании

буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3 (39). С. 96–109.

Шулунов Э.С. Буддийская церковь и ее взаимоотношения с государственными властями в середине 1930-х гг. СПб: Свое издательство, 2018.

References

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii v Vostochnim Zabaikal'e [Book of Memory of Victims of Political Repressions in Eastern Transbaikalia], in *Administratsiya Chitinskoy oblasti, Administratsiya Aginskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga, Otdel po delam arkhivov administratsii Chitinskoy oblasti* [Administration of Chita Oblast, Administration of Aginsk Buryat Autonomous District, Department of Archives of Chita Oblast Administration], ed. by V.I. Vasilevsky, A.V. Soloviev etc.). Chita: Poisk Publ., Vol. 2 (in Russian)

Amogolonova D.D. Rossiiskoe gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v buryatskov dukhovnom prostranstve (pozднеimperskii period) [The Russian State and the Orthodox Church in the Buryat spiritual space (late imperial period)]. *Mongolica*. 2019. Vol. 22. N. 2. P. 31–40 (in Russian).

Angaeva S.P., Tykheeva Yu.Ts. Zhizn' i sud'ba Agvana Dorzhieva [Life and fate of Agvan Dorzhiev], in *Buddiiskaya kul'tura: istoriya, yazykoznanie i iskusstvo: Sed'mie Dorzhievskie chteniya* [Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art: Seventh Dorzhiev Readings]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2018. P. 17–21 (in Russian).

Blinova O.V. Esper Esperovich Ukhtomskiy [Esper Esperovich Ukhtomsky], in *Omsk v publikatsiyakh XVIII–nachala XX vv.* [Omsk in publications of the XVIII-early XX centuries]. Omsk: Omskiy gosudarstvenniy istoriko-kraevedcheskiy muzey Publ., 2020. P. 347–349 (in Russian).

Buddiiskaya kul'tura: istoriya, yazykoznanie i iskusstvo: Sed'mie Dorzhievskie chteniya [Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art: Seventh Dorzhiev Readings]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2018 (in Russian).

Buddizm v istorii i kul'ture buryat [Buddhism in the history and culture of the Buryats], ed. by I.R. Garri. Ulan-Ude: Buryad-Mongol Nom, 2014 (in Russian).

Ermakova T.V. *Buddiiskiy mir glazami rossiiskikh issledovateley XIX–pervoy treti XX v.* [The Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the 19th - first third of the 20th century]. Saint Petersburg: Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie "Akademicheskii nauchno-izdatel'skiy, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skiy tsentr "Nauka" Obosoblennoe podrazdelenie" Sankt-Peterburgskaya izdatel'sko-knigotorgovaya firma "Nauka" Publ., 1998 (in Russian).

Ermakova T.V. Deyatel'nost' A.M. Pozdneeva v buddiiskikh regionakh Rossiiskoy imperii (po materialam Arkhiva vostokovedov IVR RAN) [Activities of A.M. Pozdneev in the Buddhist regions of the Russian Empire (on the materials of the Archive of Oriental Studies of the IVR RAS)], in *Buddiiskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie,*

yazikoznanie i iskusstvo [Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art]. Saint Petersburg: Giperion Publ., 2013. P. 327–330 (in Russian).

Ermakova T.V. Pokhod Sankt-Peterburgskoy buddologicheskoy shkoly k izucheniyu buddiiskikh monastyrey Tibeta (1890-e–1910-e gg.) [The Approach of the St. Petersburg Buddhist School to the Study of Buddhist Monasteries in Tibet (1890s-1910s)], in *Uchenie Buddi v Rossii* [Buddha's teachings in Russia]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2015. P. 119–133 (in Russian).

Zhamsueva D.S. *Pravovoy status buddiiskoy konfessii buryat v sisteme rossiiskoy gosudarstvennosti* [Legal status of the Buryat Buddhist confession in the system of Russian statehood]. Moscow: OOO “Redaktsiya zhurnala ‘Vlast’” Publ., 2008. N. 11. P. 63–65 (in Russian).

Zhitenev T.E. Buddizm v Rossii: vekhi istorii [Buddhism in Russia: Milestones of History], in *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatisheva* [V. N. Tatishchev Volga University Bulletin]. Tolyatti: OANO VO “Volzhskiy universitet imeni V.N. Tatisheva Publ. 2011. N. 7. P. 192–203 (in Russian).

Istoriya buryatskogo buddizma. Pis'mennye istochniki [History of Buryat Buddhism. Written sources], ed. by Ts.P. Vanchikova. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 2006 (in Russian).

Kuz'min S.L. *Buddizm kak traditsionnaya religiya Rossii: istoricheskaya osnova i perspektivy* [Buddhism as a Traditional Religion of Russia: Historical Basis and Prospects]. Kyzyl: Izd-vo TuvGu Publ., 2017 (in Russian).

Ostrovskaya E.P. Leningradskaya buddologiya v nachale 1930-kh godov [Leningrad Buddhology in the early 1930s]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 2010. N. 2. P. 231–246 (in Russian).

Sinitsin A.L. Buddizm v SSSR: popytka obnovleniya v 1920-kh gg. [Buddhism in the USSR: an attempt at renewal in the 1920s], in *Rossiya i Vostok: kul'turnie svyazi v ptoshlom i nastoyashem: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (IX Kolosithynskie chteniya), 16-17 aprelya 2014 goda* [Russia and the East: Cultural Ties in the Past and Present: Proceedings of the International Scientific Conference (IX Kolosnitsynskiye Readings), April 16-17, 2014]. Ekaterinburg: Gumanitarniy universitet Publ., 2014 (in Russian).

Sinitsyn F.L. Sovetskiye bezbozhniki i buddizm [Soviet godless people and Buddhism], in *Velikaya Rossiiskaya revolyutsiya v sud'bach narodov Yuga Rossii* [The Great Russian Revolution in the destinies of the peoples of the South of Russia]. Elista: Kalmytskiy nauchniy tsentr Rossiiskoy akademii nauk Publ., 2017. P. 240–250 (in Russian).

Skrytnikova T.D. Traditsionnaya kul'tura i buddizm v samoidentifikatsii buryat [Traditional culture and Buddhism in the self-identification of Buryats], in *Religiya i identichnost' v Rossii* [Religion and Identity in Russia]. Moscow, 2003. P. 121–153 (in Russian).

Tsybikov G.Ts. *Ibrannie trudy v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. N., 1991 (in Russian).

Tsyrempilov N.V. *Buddizm i imperiya: Buryatskaya buddiiskaya obshina v Rossii (XVIII–nach. XX v.)* [Buddhism and Empire: The Buryat Buddhist Community in Russia (18th-early 20th century)]. Ulan-Ude: institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN Publ., 2013 (in Russian).

Tsyrempilov N.V. Buddiiskiy avangard: metamorfozy buryatskoy buddiiskoy sanghi v Rossii (XVIII–nachalo XX vv.) [Buddhist Avant-Garde: Metamorphosis of the Buryat Buddhist Sangha in Russia (XVIII-beginning of the XX centuries)]. *Novy istoricheskiy vestnik*. 2012. N. 33. P. 26–36 (in Russian).

Tsyrempilov N.V. Kogda Rossiya proznala buddizm? V poiskakh ukaza 1741 g. Imperatritsy Elizavety Petrovny ob ofitsial'nom priznanii buddizma rossiiskimi vlastyami [When did Russia recognize Buddhism? in search of the 1741 decree of Empress Elizabeth Petrovna on the official recognition of Buddhism by the Russian authorities]. *Gumanitarny vektor. Seriya: Istoriya, politologiya*. 2014. N. 3 (39). P. 96–109 (in Russian).

Shulunov E.S. *Buddiiskaya tserkov' i ee vzaimootnosheniya s gosudarstvennymi vlastyami v seredine 1930-kh gg* [The Buddhist Church and its relations with the state authorities in the mid-1930s]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2018 (in Russian).

Periodization of the Institutionalization of Buddhism in Russia in the 18th–20th Centuries

Vitaly Senotrusov, student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), vasenotrusov@edu.hse.ru

The article examines the process of institutionalization of Buddhism in Russia in the period from the 18th to the 20th century, with a special focus on its development in Eastern Siberia. The study covers the early contacts of the Russian Empire with the Buddhists of the Baikal region, the role of local and central authorities in recognizing Buddhism and regulating the Buddhist sangha, as well as the peculiarities of religious policy in the Soviet period and repression. The main goal of the work is to identify the key stages and factors that influenced the institutionalization of Buddhism, including interaction with the state authorities and the adaptation of the Buddhist clergy to the new conditions. Particular attention is paid to the institutional changes due to the activities of Buddhologists and representatives of Buddhism, which contributed to the strengthening of its position in the cultural space of Russia.

Keywords: buddhism in Russia, Eastern Siberia, institutionalization, buddhist sangha, buryat buddhism

For citation: Senotrusov V.A. (2025) Periodization of the institutionalization of Buddhism in Russia in the 18th–20th centuries // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 2. P. 125-137.

Date of receipt: 05.11.2024.